

Федеральное государственное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

В.М. Крюков М.В. Крюков

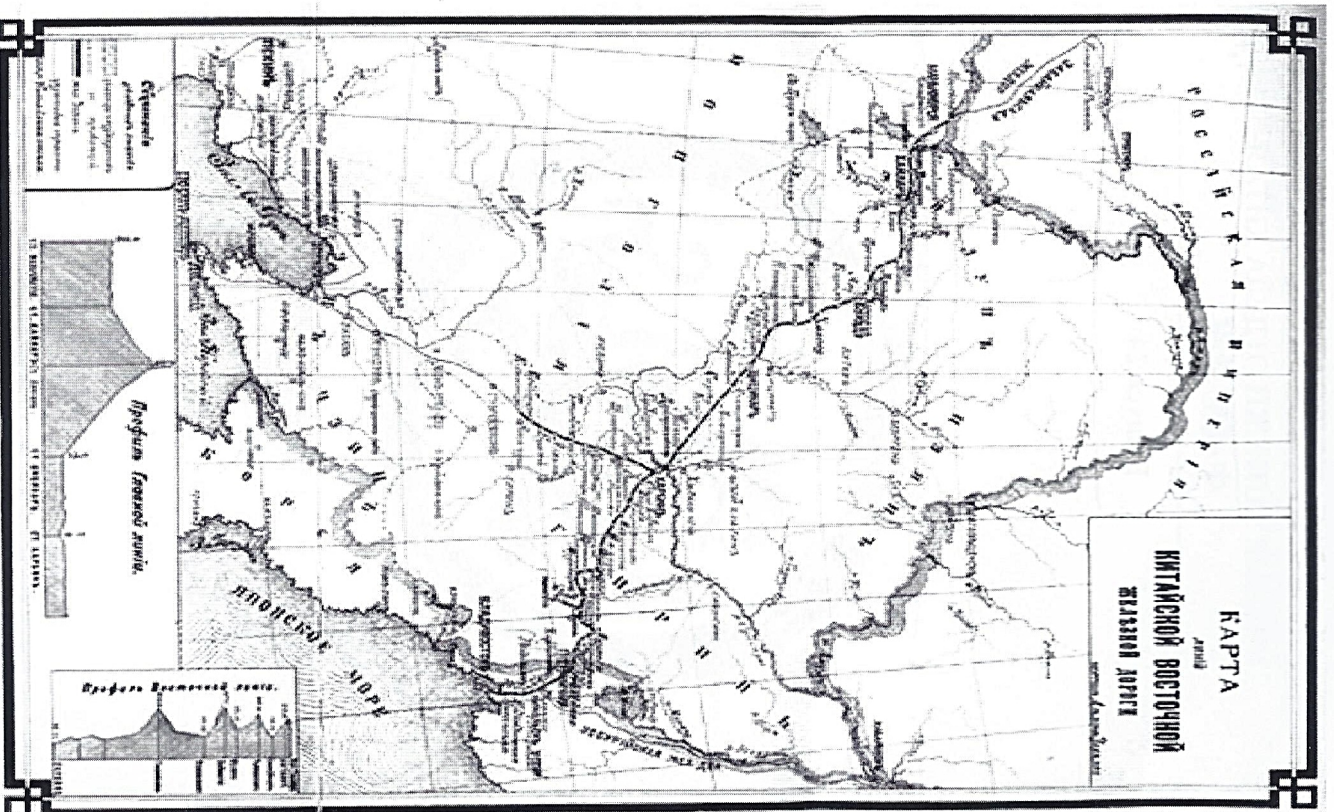
КВЖД 1929

Взрыв и ЭКО

МОСКВА

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
2017

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ
ИВ РАН

Вып. 24

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Посольства КНР в России*

本書由中華人民共和國駐俄羅斯聯邦大使館資助出版

Редакционная коллегия

д.филос.н., проф. А.И. Кобзев (главный редактор)
к.и.н. С.В. Дмитриев (зам. главного редактора),
С.И. Вилокхен (ответственный секретарь),
д. П. Адамек (Piotr Adamek swd, Германия-Польша), д. Г. Йегер (Heinrik Jäger, Германия), проф.
А. Роше (Alain Rochet, Франция), к.и.н. Э.А. Сингидза, к.и.н. Ю.В. Чуодоев

Рецензенты: к.и.н. В.П. Головачев, к.и.н. Л.П. Черникова

Отв. редактор А.И. Кобзев

Крюков В.М., Крюков М.В.
КВЖД 1929: Взорв и эхо. — М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2017. — 624 с., ил. — (Учёные записки ИВ РАН. Отдела Китая. Выпуск 24 / Редакция: А.И. Кобзев и др.). — ISSN 2227-3816, ISBN 978-5-89282-740-9

Книга, являясь продолжением фундаментального трудоминика В.М. и М.В. Крюковых «Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае» (М., 2015), посвящена самому крупному в новейшей истории вооружённому советско-китайскому конфликту, вспыхнувшему на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 г. Основываясь на многочисленных документах, хранящихся в архивах России, КНР, Тайваня, США, Англии, Японии, и сопровождаясь богатым рядом эксклюзивных иллюстраций, она рисует самую полную и достоверную на сегодняшний день картину этого судьбоносного события, оставшегося до сих пор во многом загадочным из-за туслого пропагандистского тумана, застилавшего чувствительные факты, о которых предшествующие исследователи предпочитали не упоминать.

ISSN 2227-3816
ISBN 978-5-89282-740-9

© Крюков В.М., Крюков М.В., 2017
© Кобзев А.И., Ульянов М.Ю., вступление, 2017

А.И. Кобзев, М.Ю. Ульянов

Юбилейное вступление

В 2017 г. исполняется 100 лет с начала эпохального исторического переворота, не только коренным образом изменившего Россию, но и радикально повлиявшего на ее главного соседа – Китай. Последовавшее затем бурное десятилетие революционных взаимоотношений между двумя мировыми гигантами, пытавшимися «отречься от старого мира» и преодолеть имперское прошлое, впервые в отечественной литературе с максимальной научной точностью и документальной фундаментальностью было недавно описано двумя выдающимися отечественными синологами, докторами исторических наук, отцом и сыном – Михаилом Васильевичем и Василием Михайловичем Крюковыми в капитальном двухтомнике «Весна и осень революционной дипломатии»¹. В текущем году, юбилейном также для обоих авторов (один родился 85, а другой – 55 лет тому назад) и их близких (маме Михаилу а его старшему брату Вячеславу Васильевичу – 100), они сами одарили специалистов и заинтересованных читателей завершающим третьим томом своей монументальной научной эпопеи.

Он посвящен одному из тектонических сдвигов, вызванных историческим катаклизмом 100-летней давности, – самому крупному в новейшей истории вооружённому советско-китайскому конфликту, вспыхнувшему на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 г. Основываясь на многочисленных документах, хранящихся в архивах России, КНР, Тайваня, США, Англии, Японии, и сопровождаясь богатым рядом эксклюзивных иллюстраций, эта книга рисует самую полную и достоверную на сегодняшний день картину судьбоносного события, оставшегося до сих пор во многом загадочным из-за туслого пропагандистского тумана, застилавшего чувствительные факты, о которых предшественники предпочитали не упоминать.

Авторы же, как и в двух предыдущих томах, сумели собрать впечатляющее количество документальных данных и получить из них весьма нетривиальные выводы, над которыми еще долго придется размышлять как ученым, так и политикам. Более того, М.В. и В.М. Крюковы смогли извлечь из оказавшихся в их распоряжении обширных материалов предельно возможное количество информации, чему

¹ Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 1. 1917–1922 гг. М., 2015. – 615 с., ил. Т. 2. 1922–1926 гг. М., 2015. – 608 с., ил.

способствовал их предыдущий профессиональный опыт работы с крайне лапидарными и эпитетными текстами древнего Китая.

На этот особый подход намекает само название двухтомника, основанное на древнекитайском историографическом термине *чунь-цю* 春秋 («весна и осень» или «вёсны и осени»), ставшем наименованием главного летописного канона Китая – «Чунь-цю» («Вёсны и осени»), поскольку расшифровка скучных конкретных сообщений последнего, согласно конфуцианской традиции, приводит к обнаружению далеко идущих общих идей. Данный термин используется и в современной китайской литературе, например, в мемуарах президента Китайской академии наук Го Можо (1892–1978)², которого ранее оба автора книги подвергли нелицеприятной, но заслуженной критике³.

Чтобы достойно оценить применяемое ими уникальное терминоведческое мастерство, следует обратиться к их предыдущим научным достижениям.

Вклад в отечественное Китаеведение его патриарха, историка и этнолога М.В. Крюкова (1932 г.р.) трудно переоценить и еще сложнее кратко охарактеризовать во всем многообразии. Имя М.В. Крюкова хорошо известно как в российской, так и в мировой науке. По словам академика В.С. Мисникова, «то, что Михаил Васильевич является членом British Royal Society, говорит само за себя. Учёный с мировым именем, ставший британским академиком. Он единственный из наших ученых удостоен столь высокой чести»⁴. Перед тем как дать эту сиринезную оценку, В.С. Мисников поделился своим опытом «проникновения» в РАН достойных ученых⁵, поэтому хочется обратиться к нему риторический вопрос: «Почему же столь выдающийся специалист до сих пор не является российским академиком?»

Труды М.В. Крюкова по истории и источниковедению древнего Китая, этнологии и начальной истории советско-китайских отношений отличаются академической фундаментальностью и устремленностью к освоению новых рубежей. Более того, для последующих поколений исследователей проработанный им научный путь исключительно интересен, поскольку каждый его этап содержит в себе поучительный урок, каждая новая работа — прорыв к новым горизонтам знания.

Он один из немногих историков, чьи труды в советский период не просто выходили за рамки официального обществоведения, но были ему по существу внеположны, всецело принадлежа академической

сфере, включая и добротную научно-популярную документалистику⁶, редкое умение создавать которую особенно ярко проявился за последнее время, о чем свидетельствует и настоящее издание. Книги М.В. Крюкова остаются настолько важными для тех, кто занимается классическим Китаем, а теперь – и его XX веком. Выраженные в них идеи востребованы у коллег – и древников, и медиевистов, и современников разных специальностей.

Как у всякого неординарного человека, путь М.В. Крюкова в науке был непрост, не раз ему приходилось преодолевать крупные подъемы и совершать резкие повороты. Его «загадки» состоят в том, что синологам он больше известен как историк, а представителями других дисциплин — как этнолог; что достигнув весомых результатов в изучении древнего Китая и этнологии традиционного китайского общества, в последние десятилетия он перешел к изучению одной из ключевых для новейшей истории тем и теперь всецело поглощен описанием советско-китайских отношений в первые годы их становления.

В жизни этого маститого ученого можно выделить четыре крупных этапа: 1) 1950–1965 гг. — учеба и формирование как личности и специалиста; 2) 1965–1978 гг. — вхождение в научную среду, изучение шан-иньских древностей, погружение в этнологические проблемы (род, клан, патрионимия), активное преподавание истории и древнекитайского языка; 3) 1978–1993 гг. — разработка теоретических аспектов в этнологии (понятие «этнос»), написание с соавторами шеститомной этнической истории китайцев; 4) с 1993 г. по настоящее время — отъезд за рубеж, работа и жизнь на Тайване и в КНР, исследование российско-китайских отношений в первой половине XX в.

А в отдельные моменты, зачастую на рубеже десятилетий, его жизненные обстоятельства стигались в тутой «узел». Трудности пришлось преодолевать уже при окончании школы и вуза.

Из-за серьезной болезни (плеврита) М.В. Крюков окончив школу на год позже положенного срока, но зато с золотой медалью и в 1950 г. поступил в Московский институт востоковедения (МИВ), не ведая тогда, что одним из создателей этого легендарного вуза был его дядя — М.Г. Попов (1884–1930), выдающийся представитель владивостокской школы практического японо- и Китаеведения, офицер царской и Красной армии, дипломат и ученый, безвинно расстрелянный и беспардонно изгнанный из истории отечественного востоковедения. Через полвека восстанавливая справедливость, М.В. Крюков посвятил ему «великолепную»⁷ документальную повесть «Улица Моляера, 29. Секретная миссия полковника Попова» (М., 2000. 271 с.), которая стала счастлиливой предвестницей последовавших за нею трех томов.

² Го Можо цзюнь-цзюнь (ли сань цюань); Го-мин чунь-цю 郭沫若自传(第三卷) 革命春秋(Автобиография Го-Можо. Т. 3: Весна и осени революции). Гуянь, 2012.

³ См., например: Крюков В.М. Неумолный червь познания. М., 2009. С. 125; Kriukov prof 160617 – 170116 // <http://roitics.lit.edu.tw/RAECS/comp2/Myidai%20Kriukov.pdf>.

⁴ Российское Китаеведение – устная история. Сб. интервью с ведущими российскими Китаеведами XX–XXI вв. / Отв. ред. В.П. Головачев. Т. 1. М., 2014. С. 333.

⁵ Там же, с. 331–332.

7

⁶ См., например: Крюков М.В. Этот таинственный остров Фроманта. М., 1989.

⁷ По справедливой оценке В.С. Мисникова: Российское Китаеведение – устная история. Т. 1. С. 333.

Однако в 1954 г. «МИВ исчез как миф», и будущему ученому пришлось через год оканчивать МГИМО МИД, что, впрочем, было лучшим вариантом распределения из института, закрытого с подачи ЦК КПСС.⁸

М.В. Крюков с фотографией М.Г. Попова в своей пекинской квартире в 2011 г.

В интервью, данном для проекта «Российское Китаеведение — устная история»⁹, М.В. Крюков вспомнил лекции В.С. Колоколова (1896-1979), Г.Н. Войтинского (1893-1953), Р.В. Вяткина (1910-1995). Он был близко знаком и постоянно общался с А.П. Рогачевым (1900-1981), с сыном которого И.А. Рогачевым (1932-2012), впоследствии выдающимся дипломатом и послом в КНР (1992-2005), учился на одном курсе и дружил всю жизнь.

Тогда же, проявив настоящее научное чутьё, М.В. Крюков начал изучать «Ши цзи» («Исторические записки» или «Записки историка») Сыма Цяня (145-86? гг. до н.э.) — главный письменный источник по древнекитайской истории. Написанная им на эту тему под руководством Л.И. Думана (1907-1979) дипломная работа удостоилась не только оценки «отлично», но даже, редкий случай, панегирической заметки в популярном журнале «Смена»¹⁰.

⁸ Подробно см.: *Шастинко Л.М., Чарышева Н.К.* Как закрывали Московский институт востоковедения // Восток. 2002. № 6. С. 88-98.

⁹ См. электронную публикацию: <http://oldies.lit-ed.ru/RAS/comp2/Mkhai%20Kryukov.pdf>, а также ранее вышедшие печатные издания этой серии: Российское Китаеведение — устная история. Сб. интервью с ведущими российскими Китаеведами XX — XXI вв. // Отв. ред. В.Ц. Головачёв. Т. 1, 2. М., 2014, 2017.

¹⁰ *Синеглиников А.* Диплом с отличием // Смена. 1955. № 16. С. 8.

Фото М.В. Крюкова в ж. «Смена»

лось овладеть в такой степени, чтобы не только читать, но и свободно общаться и с носителями культуры, и с простыми людьми.

Сразу после выпуска из вуза в 1955 г. он до 1957 г. работал в Институте востоковедения и вышедшемся из него Институте Китаеведения, начав свой путь в науке под руководством И.М. Опанина (1900-1982), незаурядного ученого и человека, который в разгар сталинской критики «нового учения о языке» академика Н.Я. Марра (1864/1865-1934) не побоялся взять на себя ответственность за «марризм» в Китаеведении¹¹, а затем посвятил себя завершению главного замысла своего учителя академика В.М. Алексеева (1881-1951) — составлению «Большого китайско-русского словаря», которое воплотилось в уникальный четырехтомник (М., 1983-1984), удостоенный Государственной премии (1986 г.). С участия в этом исполнявшемся полвека и приобретающем мировое значение эпохальном проекте М.В. Крюков начал «взрослую» научную жизнь.

Сверх того, через год, работая в Институте Китаеведения, он сумел заразить своим исследовательским энтузиазмом занимавшегося современной проблематикой заведующего отделом — Р.В. Вяткина, убедив его совместно перевести «Ши цзи». Через десятилетия это казавшееся тогда авантюрным предприятие привело к одному из редких мировых рекордов отечественной синологии — первому на Западе полному переводу грандиозного труда Сыма Цяня, вступительную статью к которому написал именно М.В. Крюков¹².

Уже в годы учебы проявились многие его основные качества, в том числе главное — глубокий неподдельный интерес к Китаю, к научному творчеству и, конечно, к китайскому языку, которым ему хотелось овладеть в такой степени, чтобы не только читать, но и свободно общаться и с носителями культуры, и с простыми людьми.

¹¹ *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи) / Перевод с китайского с комментариями Р.В. Вяткина, В.С. Таскина, А.М. Карапетяна. А.Р. Вяткина и др. Т. 1-9. М., 1972-2010.

¹² Для сравнения можно указать на право противологическую, конформистскую позицию академика (тогда — члена ЦК) Н.И. Корда (1891-1970), активно включившегося в политизированную кампанию по развенчанию Н.Я. Марра. Подробно см.: *Коззев А.И.* Драм и фарсы российской Китаистики. М., 2016. С. 377-378.

М.В. Крюков в общежитии
Пекинского университета в 1957 г.

«Узел» первый (рубеж 1950-60-х гг.) — «судьбоносный». Став сотрудником академического института и с молодым задором взявшись было за перевод «Исторических записок» Сыма Цяня, М.В. Крюков неожиданно попал на пятилетнюю учебу в КНР и получил фундаментальную подготовку на кафедре Пекинского университета, где тогда преподавали крупнейшие китайские ученые. Стажировка должна была длиться год, но всеми правдами и неправдами он добился прохождения полного курса, в результате чего стал редким специалистом по древней истории, прежде всего эпохи Шан-Инь, овладел современными методами историко-археологического анализа, познакомился с результатами археологических раскопок в районе г. Аньяня (Иньшуй и др. памятники), научился читать и анализировать иньские гадательные надписи и западножюэские надписи на бронзовых сосудах. Уже тогда его внимание привлекли этнологические проблемы, связанные с системами родства и социальной организации древних обществ.

Благодаря годам учебы в Китае М.В. Крюков глубоко узнал эту страну, ее людей, культуру и избежал привитого многим советским историкам страха перед критикой идей классиков марксизма-ленинизма. Позже за ним закрепилась репутация «немарксиста», на что бдительные товарищи будут не раз публично указывать. В Поднебесной он обрел и собственную семью женившись на Хуан Шунин (1933 г.р.), с которой познакомился еще в 1954 г. в СССР, где она была с делегацией Ансамбля Народно-освободительной армии Китая. Переехав в Москву, его супруга после трех курсов Пекинского педагогического университета окончит ИСАА при МГУ в 1973 г. и станет превосходным преподавателем китайского языка для многих поколений отечественных

китайцев 60-80-х гг., соавтором Т.П. Задюенко (1924-1993) в создании базового на многие десятилетия учебника китайского языка, произведшего революцию в методике его преподавании у нас благодаря вниманию к тоновой фонетике, а также верным спутником и соавтором самого Михаила Васильевича при написании еще одного капитального учебника «Древнекитайский язык» (М., 1978).

М.В. Крюков и Хуан Шунин в Пекине весной 1957 г.

«Узел» второй — «профессиональный» (середина 1960-х гг.). Вернувшись в 1962 г. в СССР уже сложившимся специалистом, он был принят на работу в Институт этнографии, где встретился с коллективом во главе с Н.Н. Чебоксаровым (1907-1980), который хорошо понимал важность специалиста такого уровня в секторе зарубежной Азии, Австралии и Океании. Часть его новаторских этнологических трудов посвящена изучению народов Восточной Азии.

Специалист-древник такой подготовки и квалификации, несмотря на экстраординарные знания и навыки, не мог быть легко принят в среду московских историков-обществоведов. Причин было много, и прежде всего — различия в мировоззрении и методологии. В Москве тогда было несколько историков-обществоведов, которые описывали древнекитайскую историю с позиции истмата, в лучшем случае считая ее частью концепцией азиатского способа производства. Одни из них для подтверждения пресловутой формационной «пятичленки» занимались крестьянскими восстаниями (Л.С. Симоновская, 1902-1972), другие отставали наличие (Т.В. Степущина, 1923-2016; Л.И. Думан) или отсутствие (Л.С. Васильев, 1930-2016) рабовладельческой формации в Китае. Ближайшая по изучаемой проблематике коллегия А.А. Серкина (1915 г.р.) рассматривала иньскую эпиграфику опираясь

на свое весьма экстравагантное понимание этих надписей и доступной историографии.

Подготовленную к защите в 1965 г. кандидатскую диссертацию «Род и патрионимия в древнем Китае» М.В. Кроков посвятил рассмотрению систем родства, понятиям «род», «семья» и «патрионимия», которое он смело противопоставил схоластическим выкладкам о «родовых отношениях» и «первобытно-общинном строе», полученным в рамках изрядно закостеневшего истмата.

Хотел он того или нет, его фактографически и теоретически новаторская работа стала вызовом для ортодоксов. В научном плане этот вызов принят быть не мог из-за значительных различий в профессиональном и культурном уровне оппонентов. Их отношение к нему и к его работе было продемонстрировано на заседании отдела Древнего Востока в ИВ АН СССР, где в полубезумной, по современным или просто научным меркам, атмосфере он получил скандально отрицательный отзыв. За диссертанта с позиции здравого смысла вступили лишь диссидентствовавший В.А. Рубин (1923–1981), но этот глас вопиющего в пустыне потонул в окриках: «к какой школе Вы принадлежите», «кто Ваши учителя», «напишите иероглиф “женщина” на доске» и прочих в том же духе. Итоговый отказ в рекомендации к защите совпал и с общей зловещей атмосферой того времени — концом хрущевской оттепели и разрывом отношений с Китаем накануне начала «Культурной революции». Но М.В. Кроков Китай и китайцев ругать не хотел, маоизмом не интересовался, критиковал Го Можо и не соглашался с Ф. Энгельсом¹³.

И что же? В том же году, убедившись, что с историками-обществоведами общего языка не найти, он защитил диссертацию в Институте этнографии, где опять-таки не обошлось без драматизма. За час до начала защиты ученому секретарю диссертационного совета было вручено анонимное письмо с сообщением, что диссертант «в своей антинаучной работе пытается протолкнуть идеи Мао Цзэдуна». В результате ученый совет принял два мудрых решения: 1) впредь не зачитывать не подписанных писем, 2) единогласно приуменьшить соискателю степень кандидата исторических наук.

А через два года пионерская диссертация воплотилась в обширную монографию «Формы социальной организации древних китайцев». В ней автор высказался вполне определенно: «С самого начала своего возникновения патриархальный род частично делокализован и не несет

хозяйственных, производительных функций», — нанесла тем самым опустошительный удар по теоретическим выкладкам правивших бал схоластов¹⁴. Затем начался длительный плодотворный период научного творчества. Разрабатывался ряд фундаментальных исторических и этнологических проблем: язык иньских надписей, история Шан-Инь (ок. 1300–1027 гг. до н.э.), понятия рода, клана, патрионимии, этноса. Началось преподавание. Многие годы (с 1968 по 1985) М.В. Кроков работал в ИВЯИ/ИСАД МГУ на кафедре истории Китая, пройдя путь от преподавателя (с 1 октября 1968) и доцента (с сентября 1973) до профессора (с 1978). То была первая попытка внедрения древника на эту кафедру. Началось системное преподавание курса истории Китая и древнекитайского языка. В результате появились учебник «История Китая» (1974), в котором М.В. Кроков писал разделы по ранней древности; и, конечно, «Древнекитайский язык» (1978) — учебник *бэньяни* на все времена¹⁵.

«Узел» третий — научный (рубеж 1970–80-х гг.). М.В. Кроков вместе с соавторами создал замечательный шеститомник «Этническая история китайцев» (1978–1993), который стал одним из великих проектов отечественной синологии второй половины XX в.¹⁶ Для всех томов им были написаны исторические очерки и теоретические этнологические разделы, где выдвинуто много глубоких идей и отражены важнейшие достижения западной и китайской научной мысли. Сейчас все шесть томов составляют незаменимое учебное пособие для молодых китайистов, которые делают первые шаги в своей специальности. В 80-е гг. М.В. Кроков вошел в корпус ведущих и наиболее авторитетных ученых Института этнографии, вместе с директором Института Ю.В. Бромлеем (1921–1990) разрабатывал теорию этноса, часто выступал в журнале «Советская этнография» с теоретическими работами. В этих статьях, кстати, ярко отразилась эпоха: конец застоя, начало перестройки и ее провал.

«Узел» четвертый (рубеж 1980–1990 гг.) — «политэкономический». Возможно, Ю.В. Бромлей видел в М.В. Крокове преемника: если не на посту директора, то в дальнейшей разработке теории «этноса». Но судьба распорядилась, как всегда, по-своему. Социализм заканчивался, Ю.В. Бромлей умер, а новый директор переименованного инсти-

¹³ Кроков М.В. Форма социальной организации древних китайцев. М., 1967.

¹⁴ История Китая с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. М., 1974; Кроков М.В. Хун Шун. Древнекитайский язык. М., 1978.

¹⁵ Кроков М.В. Софронов М.В. Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978; Кроков М.В. Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983; Кроков М.В., Милевин В.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979; они же. Китайский этнос в средние века. М., 1984; они же. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987; Кроков М.В., Милевин В.В., Софронов М.В. Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX — начале XX в. М., 1993.

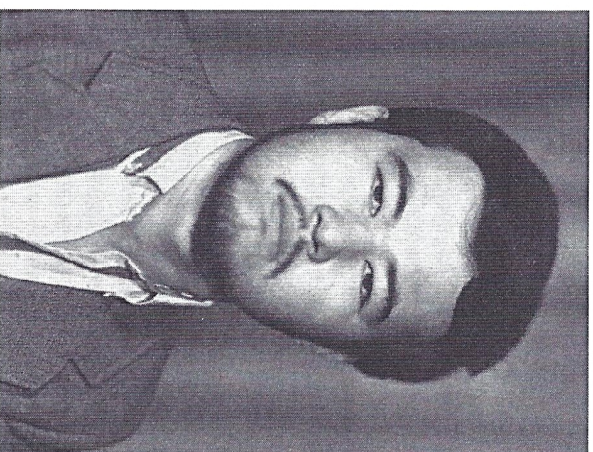
туда (Институт этнологии и антропологии) В.А. Тишков (1941 г.р.), по словам самого М.В. Крюкова, существования этносов не признает. На этом историческом и личном фоне М.В. Крюков в начале 90-х гг., перешагнув 60-летний рубеж, резко изменил жизнь – оставил не только отечество, переехав на Тайвань, а затем в КНР, но и штудии по древнекитайской истории, точнее перестал публиковать результаты своих изысканий на родном языке.

«Узел» пятый (конец 1990-х – 2000-е) — «сыновия почительность». Уже на Тайване М.В. Крюков узнал, что легендарный «полковник Попов», который доставил Сунь Ятсену первое письмо от советского правительства, – это родной брат его матери. Выполнив долг перед ним и матерью, вспоминая детство и обстоятельства выбора профессии, он энергично взялся за изучение первых послереволюционных лет в российско-китайских отношениях, результатом чего стала серия статей¹⁷ и вышеупомянутая книга «Улица Моляера. 29».

Вслед за отцом и, видимо, по схожей причине к истории республиканского Китая и его взаимоотношений с Советским Союзом обратился сын М.В. Крюкова – Василий Михайлович Крюков (1962–2008)¹⁸, также доктор исторических наук, ранее специализировавшийся на изучении древнего Китая и работавший в Институте востоковедения (1987–1997)¹⁹, а затем, как и отец, перебравшийся на Тайвань. После его безвременной гибели М.В. Крюков продолжил работу над уникальным собранием документов, накопленным в семейном архиве, и подготовил к публикации совместный с сыном трехтомник.

В этих капитальных монографиях он коснулся самых сложных вопросов советско-китайских отношений 1917–1935 гг., то есть до возникновения КНР. Все три тома ярко живописуют величественную эпопею политико-дипломатической и военной деятельности СССР на Дальнем Востоке. Очевидно, что в советское время имена основных действующих

лиц, от руководителей государства (Троцкого и Сталина) до непосредственных участников событий, по большей части репрессированных, не могли быть упомянуты. Авторы выводят рассмотрение проблемы на современный уровень, упоминают всех героев трагических перипетий, для них нет закрытых лиц и тем. Они приводят имена, документы, во всем стремились «дойти до самой сути».

В.М. Крюков – студент 3 курса ИСАА, опубликовавший в 1983 г. свою первую работу о социальном строе древнего Китая

В этих книгах на основе уникальных архивных документов в мельчайших подробностях показаны последовательность и причинно-следственная связь конкретных событий, раскрывается их внутренняя логика. Как опытные текстологи-древники М.В. и В.М. Крюковы, используя в качестве источников документы, не просто излагают их содержание, а сопоставляют друг с другом, извлекают сведения о внутреннем содержании описываемых процессов и демонстрируют их непреходящую значимость, начиная с животрепещущей актуальности.

Например, в разделе «Взвешенное отступление» гл. 11 досконально изложена захватывающая история борьбы за о. Большой Уссурийский (Хэйсянь) начиная с российско-китайского Пекинского договора 1860 г. и до полевых публикаций о ней в XXI в. Это особенно интересно читать сейчас, когда российско-китайские взаимоотношения достигли «беспреследенно высокого уровня», заключен «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР» 2001 г. и окончательно передана КНР в 2008 г. половина этого острова. В 1929 г., как и ранее, он фактически принадлежал СССР, однако в современной китайской науке, а также средствах массовой пропаганды утверждается, что связанный с ним территориальный спор возник именно в результате конфликта 1929 г. В книге это предвзятое мнение опровергнуто с помощью детального рассмотрения документов и показа истинного хода событий, связанных с техническими проблемами маркировки границы.

¹⁷ Крюков М.В. Была ли миссия Чжан Сяопина в Москву «странным эпизодом» советско-китайских отношений начала 20-х гг.? // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 6. С. 95–109. 1998. № 1. С. 106–116; он же. Извилистый путь к альянсу (Советская Россия и Сунь Ятсен. 118–1923) // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 3. С. 92–101; он же. Еще раз о «Северо-Западном плане» Сунь Ятсена // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 5. С. 130–144; он же. Сунь Ятсен, Чань Цяньин и генерал Попов (История одной политической мифификации) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 3. С. 115–132; он же. К вопросу о различных чтениях в тексте «Декларации Карахан» 1919 г. (опыт текстологического анализа) // XI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2010. С. 222–238.

¹⁸ См. его работы по данной тематике: Крюков В.М. Сунь Ятсен и «Третья революция» (Шаньдунский вариант) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 108–121; он же. Терзания в стратегических планах Сунь Ятсена // Восток – Запад. 2007 – 2008. М., 2009. С. 106–125; он же. Неудомленный червь понимания. Избранные мысли об истории и культуре Китая и России. М., 2009. С. 375–490; он же. К вопросу о переговорах НКДК с посланником Лю Цзиньсянем (1917–1918 гг.) // 42-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2012. Т. XIII. Ч. 2. С. 48–83; он же. Посол Карахан – резонанс по глади // Архив российской китаистики / Сост. А.И. Кобзев. Т. II. М., 2013. С. 137–149.

¹⁹ См. его основные работы по данной тематике: Крюков В.М. Ритуальная коммуникация в Древнем Китае. М., 1997 (2-е изд. – М., 2012); он же. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Ин-Чжоу. М., 2000.

В изложении данного сюжета авторы продемонстрировали максимальную научную объективность, что лишний раз выявляет всю неадекватность преувеличившихся М.В. Крокову в 1965 г. претензий в прокитайской ангажированности. Ничего подобного не было тогда, нет и ныне, хотя он живет в Китае; напротив, вместе с соавтором он справедливо оценивает факты и борется как с отечественной, так и с китайской пропагандой.

В монографии показано, что при заключении мира после столкновения на КВЖД остро стоял вопрос – с кем заключать договор, с кем подписывать, у кого полномочия. Представивший советскую сторону Л.М. Карахан (1989-1937) применял жесткие методы. Например, ранее он принудил китайского дипломата подписать договор, заперев его на ночь в своей комнате. Но после этого возникла юридическая коллизия: было неясно, парафирован или подписан договор. Кстати, в этой связи возникает вопрос: что считать инициалами китайского имени в оригинальном написании? Китайская сторона потом отказалась ратифицировать договор, ссылаясь на то, что подпись есть, а даты нет. Или другая ситуация: правитель Маньчжурии Чжан Сюэлин (1901-2001) подписал договор, а глава центрального правительства Чан Кайши (1987-1975) – нет. В советской литературе все эти нюансы опускались, и впервые авторы книги дали полноценную картину объективно сложной и запутанной ситуации.

Живо представлены и герои этих событий. Так, античной трагедией веет от биографии лихого «кризисного менеджера» тех лет Л.М. Карахана, который мог весьма эффективно решать поставленные перед ним задачи, применяя разные, иногда не вполне законные методы. Но несмотря на всю свою полезность он сам незаконно был расстрелян, столкнувшись с антипатией «хозяина».

Разумеется, тогда хватало и неэффективных менеджеров. Помимо политико-дипломатической проблематики в книге освещен своеобразный быт на КВЖД, приведены выразительные факты из жизни новой советской буржуазии, которая не отказывала себе в финансовых злоупотреблениях и низменных развлечениях, посещая кабак и публичные дома. В итоге высокая вначале прибыль стала резко падать, а штаты непомерно раздуваться, борьба за теплые места обострялась, а количество доносов увеличивалось. То есть обшая ситуация в экзотическом заграничном анклавле воспроизводила обобщий кризис в СССР, обернувшийся в том же 1929 г. «великим переделом».

Последовавшая за разгромом маньчжурских войск продажа КВЖД – также крайне сложный вопрос, поскольку уступка за бесценных побед кажется на первый взгляд несправедливой. Однако подробный разбор авторами деталей этой длительной и многотрудной операции объективно показывает поверхность подобной оценки.

С одной стороны, курировавшие покупку японцы пошли на изменение своих исходных условий, в полтора раза увеличив выплаченную сумму. С другой стороны, советские дипломаты упорно торговались, даже сам Сталин вынужден был в финансовых деталях, с бухгалтерской сметкой предлагать начислять кредитную ставку на отсроченную часть платежа, и в целом этот прагматичный подход к делу здраво предполагал, что в условиях назревающей войны целесообразно получить любую компенсацию, а потом можно будет снова отвоювать дорогу.

В книге затронуто много важных проблем, наводящих на обширные размышления и печальные параллели с реальностью наших дней. К примеру, СССР определенно занимался запрещенной пропагандой коммунизма и временами вел диверсионную деятельность на территории Китая, но ответные шаги китайских властей, врвавшихся в его посольство и консульства, осуществляли там повадки быка и аресты, – явное варварство. Здесь направляется шекспировская филиппика: «Чума на оба ваши дома!». Однако авторами показана конкретная последовательность событий, которые раскрывают внутреннюю логику происходившего и закономерность возникновения подобных эксцессов, приволивших, в свою очередь, к парадоксальным результатам, когда заклятые враги советской власти из ведущих держав заняли сторону СССР и выступали против своих китайских союзников. В такой позиции рациональное стремление поддерживать международный правопорядок сложно смешивалось с корыстной заинтересованностью в сохранении своих особых привилегий в Китае. Вследствие этих алчных хитросплетений всех сторон именно на Дальнем Востоке вопреки пакту Бриана – Келлога происходило разрушение мирного порядка, приведшее затем ко Второй мировой войне.

Личная связь с описанным временем, обусловленная памятью о близком родстве – непосредственным участнике событий, наделяет повествование убедительным психологизмом и внутренней драматургией. В целом трехтомник вызывает ассоциации не столько с объективистски-безличными «Веснами и осенью» периода Чуньцхо (VIII-V вв. до н.э.), но и с вдохновившими молодого М.В. Крокова «Историческими записками», в которых сходным образом воплощено авторское начало отца и сына – Сыма Тян и Сыма Цяня.

«Узел» шестой (рубеж 2000-х — 2010-х гг.) – «память о сыне». Чтобы увековечить память о трагически ушедшем сыне, ставшим их коллегой и соавтором, отец и мать издали его замечательные труды по истории Китая и русской классической литературе²⁰. Кроме того,

²⁰ Кроков М.В. След птицы-тройки. Другой сюжет «Братьев Карамазовых». М., 2008. – 536 с.; он же. Неумолчимый червь познания. Избранные мысли об истории и культуре Китая и России. М., 2009. – 680 с. См. также о В.М. Крокове и его трудах: Исаев А.Е. Образ убийцы реальности: Святой памяти В.М. Крокова // Восток – Запад. 2007-2008. М., 2009. С. 270-278; Кроков М.В. Об Учёном, каким он остался в моей

была учреждена «Крюковская премия» для лучших студентов-синологов ИСАА – явление уникальное и, увы, беспримерное в данной сфере, ибо вообще меценатов, готовых поддерживать студентов, крайне мало. В книгохранилище кафедры китайской филологии ИСАА МГУ М.В. Крюков передал значительную часть своей ценной домашней библиотеки.

Бронзовый бюст В.М. Крюкова
работы скульптора Ван Чансина

Итак, с фамилией Крюковых связаны многие самые интересные и значимые проекты в отечественной синологии. Их научные интересы, эволюционировавшие от тайн глубокой древности к политически затуманенной и пока еще до конца не осмысленной современности, всегда были связаны с решением наиболее серьезных и сложных проблем, а потому привели к созданию фундаментальных произведений, ставших синологической классикой. В этом славном ряду, как нам представляется, должна стоять и нижеисследуемая книга.

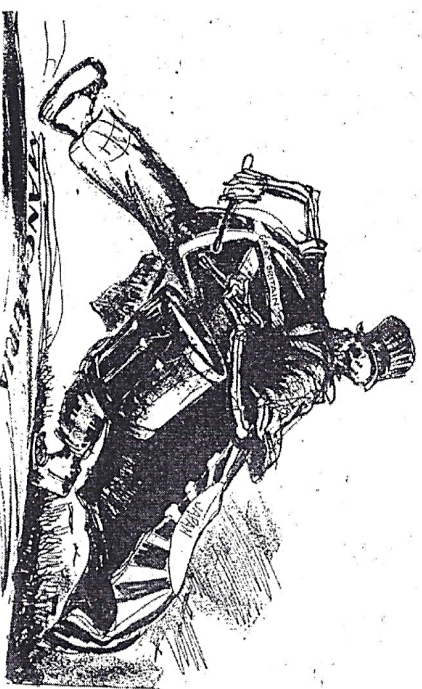
Краткое предисловие

Приближается круглая дата – 90 лет с тех пор, как на Китайско-Восточной железной дороге вспыхнул самый крупный в новейшей истории вооруженный советско-китайский конфликт.

На нашем письменном столе – дюжины три брошюр и газетных статей, опубликованных в Москве и Нанкине по горячим следам конфликта летом 1929 г. Нет ничего удивительного в том, что они отражали различные, большей частью прямо противоположные, точки зрения на случившееся.

Согласно *первой* из них, захват китайскими властями КВЖД по существу не имел отношения к самой дороге: он был лишь первым шагом на пути к гораздо более серьезным событиям – задуманной империалистами широкомасштабной войне против Советского Союза, которую правящие круги США и Англии собирались вести руками китайских милитаристов.

Эту версию, автором которой был Сталин, принял на вооружение Исполком Коминтерна, и она фигурировала на страницах не только «Правды», но и коммунистической прессы Китая и Запада.

Такой представлялась обозревателю газеты «Daily Worker» суть конфликта на Китайско-Восточной железной дороге